

№ 47 ВАЛДАЙСКИЕ ЗАПИСКИ

Май, 2016

**ПОВОРОТ РОССИИ НА ВОСТОК,
ПОВОРОТ КИТАЯ НА ЗАПАД:
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И КОНФЛИКТЫ НА ШЕЛКОВОМ ПУТИ**

Ханс-Йоахим Шпангер

Об авторе:

Ханс-Йоахим Шпангер

*Член Исполнительного совета и глава отдела научных исследований
«Управление и социальный мир» Франкфуртского института исследований мира,
Германия*

*Данный текст отражает личное мнение автора,
которое может не совпадать с позицией Клуба, если явно не указано иное.*

«Один пояс – один путь» – это не соло в исполнении Китая, а симфония с участием всех стран, расположенных вдоль маршрута. Это, в частности, ансамбль Китая и Европы, рука об руку работающих на большом евразийском рынке.

Ван Ивэй, 2015 г.

Новая модная фраза появилась в российском политическом лексиконе: *«поворот на Восток»*. Менее амбициозный вариант – *«восточный вектор»*. И то, и другое лишь множит число упоминаний о повороте России в сторону Азии. С опозданием на три года Москва последовала примеру Вашингтона и теперь «рулит» в сторону Азии, а, по сути – в сторону Китая, чей экономический рост меняет общий баланс сил в регионе и далеко за его пределами.

Тем не менее, смысл поворота Москвы в сторону Азии довольно сильно отличается от того, что по этому поводу думают в Вашингтоне. США рассматривают растущее влияние Китая как вызов, а то и как угрозу, которую необходимо каким-то образом нейтрализовать (либо заинтересовать источник ее возникновения в сотрудничестве). «Китай представляет собой один из самых сложных и значимых в плане последствий вариантов двусторонних отношений, с которыми Соединенным Штатам когда-либо приходилось иметь дело». Именно так Хиллари Клинтон (в качестве государственного секретаря США) обосновала этот поворот в политике США. Это была стратегическая программа из шести элементов: укрепление традиционных альянсов безопасности; создание новых партнерств с восходящими державами, в том числе (желательно, но не обязательно), с Китаем; взаимодействие с региональными многосторонними институтами; активизация в сфере торговли и инвестиций; расширение военного присутствия за пределами установленных параметров; и продвижение демократии и прав человека¹.

Россия же сосредоточена на политических и экономических возможностях, заложенных в тектонических сдвигах в этой части мира. Изначально внимание Москвы привлекала динамика развития Азии и КНР. Но с возникновением кризиса на Украине и с ослаблением *западного вектора* в 2014 году, заинтересованность переросла в необходимость: Москва лишилась альтернативы. Как бы то ни было, поворот России в сторону Азии/Китая стал неотъемлемой частью сдвига парадигмы с гораздо более глубокими последствиями.

Параллельно с поворотом России на Восток, Китай начал свой марш – на Запад. В том числе, через возрождение Шелкового пути («один пояс – один путь»). Проект был торжественно представлен в 2013 году. На первый взгляд, этот шаг также продиктован примером США, то есть стартом Нового Шелкового Пути, который дала

¹ Hillary Clinton. *America's Pacific Century*. 1 October 2011. <http://foreignpolicy.com/2011/10/11/americas-pacific-century>. Это следует из логики фразы: «Обе стороны могут получить намного больше пользы от сотрудничества, нежели от конфликта. Однако невозможно строить отношения на одних только желаниях».

госсекретарь Хиллари Клинтон в 2011 году. Его первоначальной целью была интеграция Афганистана в сеть торговых и транзитных маршрутов Большой Центральной Азии². Поворот Китая на Запад явно продиктован политикой США в регионе, в частности, поворотом США в сторону Азии, который, тем не менее, отнюдь не лишен антикитайского подтекста³. Подход Пекина к сложившейся ситуации впервые был представлен одним из известнейших экспертов в области международных отношений Ваном Цзиси в статье, опубликованной в *Global Times* в октябре 2012 года. Автор призывал к проведению стратегии «Марш на Запад» – в качестве компенсации за разворот США к странам Восточной Азии и во избежание бесплодного противостояния с Вашингтоном. Активизация усилий в Восточной Азии, по его мнению, неизбежно приведет к возникновению такой конфронтации, в то время как пространство к западу от Китая, то есть, Центральная Азия и Ближний Восток, считается не только территорией, свободной от доминирования США, но и регионом, из которого американцы фактически уходят. Таким образом, поворот на Запад не только поспособствует развитию Китая, но и откроет новые перспективы для сотрудничества, так как интересы Пекина и Вашингтона в регионе пересекаются очень удачно. Особенно в том, что касается экономических инвестиций, нераспространения ядерного оружия и региональной стабильности⁴.

Как и Россия, Китай тоже выигрывает от взаимодополняющей политики геостратегического продвижения. Тем не менее, замыслы Москвы и Пекина и потенциальные результаты их реализации отличаются друг от друга.

Несмотря на то, что обе страны едины в своем стремлении изменить баланс сил и положение США в мире, разворачиваясь то на Восток, то на Запад, это их стремление вовсе не обязательно означает полного совпадения геостратегических целей и задач. Эти повороты требуют тщательного управления заложенным в них потенциальным конфликтом.

² Предшественником была американская программа помощи от 1999 г., целью которой (в том числе) было «оказание помощи в развитии инфраструктуры, необходимой для связи, транспорта, образования, здравоохранения, а также энергетики и торговли на оси Восток-Запад для создания прочного международного сотрудничества, торговых связей и стабильных, демократических отношений. А также для поддержки деловых интересов США в регионе». Тем не менее, эта программа касалась только тех стран, которые не проявляли «стабильно грубых нарушений международно признанных прав человека». Закон о стратегии Шелкового пути от 1999 г. www.govtrack.us/congress/bills/106/hr1152/text.

³ Создание регионального энергетического рынка в Центральной Азии было представлено как «базовый элемент стратегии США». В первую очередь это касается газопровода Туркменистан – Афганистан-Пакистан-Индия (ТАПИ), который не только обеспечит экономическую выгоду Афганистану, но также позволит Туркменистану «диверсифицировать свой экспорт», поставляя энергию в Китай, а также в Индию и Пакистан. Но как и в случае с нереализованным проектом «Набукко», образовался дефицит инвесторов. James McBride. *Building the New Silk Road*, 25 May 2015. www.cfr.org/asia-and-pacific/building-new-silk-road/p36573.

⁴ См., например, Yun Sun. *March West: China's Response to the U.S. Rebalancing*. 31 January 31, 2013. www.brookings.edu/blogs/up-front/posts/2013/01/31-china-us-sun. В скептическом примечании автор напоминает о стратегическом постулате Мао Цзэдуна: «Враг наступает – мы отступаем. Враг отступает – мы преследуем».

Россия находится в центре внимания нашей записки. В ней будут представлены и проанализированы различные сюжеты, связанные с поворотом России в сторону Азии, и параллельные движения на Востоке. Записка состоит из четырех частей: в первой будет рассмотрено обоснование поворота России на Восток; во второй – изложены события, имевшие место до сегодняшнего дня; в третьей дается оценка проблем и рисков. В заключении изложены некоторые мысли о перспективах развития этих событий.

Обоснование

В принципе, нет ничего плохого в повороте к Азии в целом и к Китаю – в частности, поскольку эта страна в настоящее время является локомотивом мировой экономики. Едва ли не каждое государство стремится воспользоваться инвестиционными возможностями Китая, и в этом смысле у Москвы большие перспективы. Более того, хотя Россия и является континентальной державой, она, как и США, еще и держава тихоокеанская и атлантическая. Хотя Россия в этом смысле гораздо менее сбалансирована, нежели США. Несмотря на то, что выход к Тихому океану у нее гораздо шире, чем водные границы на западных берегах, центр тяжести явно смещен в сторону западной части страны, а часть территории к востоку от Урала остается почти без внимания, если не полностью заброшенной.

Изменение баланса сил становится еще более актуальной задачей, учитывая, что США заявили о намерении построить в Азиатско-Тихоокеанском регионе то, что они уже с успехом сделали на трансатлантическом пространстве: «сеть партнерств и институтов», из которых ТТП является, пожалуй, самым ярким примером⁵. При этом Россия имеет сухопутную границу с Китаем протяженностью свыше 4200 км – самую, заметим, протяженную границу с крупной державой и самую мирную в истории России, в отличие от ее границ с Европой или Турцией, где произошло немало военных столкновений⁶.

С самого начала изменение баланса сил в регионе предполагало новый рывок в развитии прилегающих территорий, а именно – Сибири и Дальнего Востока России. С одной стороны, это касается высокой концентрации там уникальных природных ресурсов, эксплуатация которых, естественно, требует наличия клиентов в географической близости – на благо всей страны. То же самое относится и к возможности превращения региона в мост между динамически развивающимися полюсами на Востоке

⁵ Clinton, *цит. соч.*

⁶ Россия раньше была экспансионистской державой на Востоке, вплоть до заключения «неравных» договоров с Китаем, таких как Айгунский договор 1858 г. и Пекинская конвенция 1860 г., по которым России отошли довольно большие территории (Амурская область, Хабаровский край, Приморский край).

и на Западе. С другой стороны, это затрагивает и политическую составляющую, то есть, необходимость сдерживания внешних угроз со стороны потенциально экспансионистских соседей, а также внутренних угроз, связанных с сепаратистскими настроениями в регионе, которые в определенной мере стали заметны в «лихие» 90-е.

Тем не менее, поворот России на Восток выходит далеко за рамки чисто прагматических соображений, вызывая подчас довольно высокие ожидания с немалой долей геополитических коннотаций. Например, таких: «На сегодняшний день единое евразийское пространство – Китай с Юго-Восточной Азией и Россия с Евразийским союзом, а также Индия, Ближний Восток и Африка, которые во все большей степени ориентированы на Евразию – выдавливает экономику ранее всемогущего трио в составе США, Европы и Японии. Соединенные Штаты отчаянно сопротивляются этому процессу в попытке сохранить свое господство в Евразии, и, следовательно, в мировой политике и экономике»⁷.

Кроме того, принятие Индии и Пакистана в Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС), как ожидается, существенно изменит региональный и глобальный расклад. С учетом новых участников, ШОС станет международным институтом, включающим все ведущие незападные державы Евразии и, таким образом, может «рассматриваться как формирующийся краеугольный камень многополярного мира, платформа, предлагающая евразийскую альтернативу Западной Европе. В то время как Евразийский экономический союз (ЕАЭС) стремится придумать экономическую альтернативу ЕС, ШОС могла бы предложить политическую и идеологическую альтернативу»⁸.

Многое из этого вышло на первый план только вследствие кризиса на Украине, который явно ускорил поворот России на Восток⁹.

⁷ Глеб Ивашенцов. Путь к мирной Евразии. 14 мая 2015 г. http://russiancouncil.ru/en/inner/?id_4=5918#top-content.

⁸ Александр Лукин. Шанхайская организация сотрудничества: в поисках новой роли. МДК «Валдай», специальный выпуск.

Предположительно, это также подразумевает явный разрыв с прошлым ШОС, так как Россия изначально предполагала, что ШОС – это просто идеологический символ многополярного мира: «Принимались декларации, в которых формулировалось незападное видение мира, его многополярность, иные ценности и т.п., но серьезной организационной деятельности не велось». <http://www.globalaffairs.ru/valday/Shankhaiskaya-organizatsiya-sotrudnichestva-v-poiskakh-novoi-rol-17573> Китайская концепция ШОС, однако, сфокусирована на другом – экономическом – направлении.

⁹ По мнению Александра Лукина, сближение между Россией и Китаем предполагает более широкое наполнение и восходит к эпохе позднего Брежнева: «Сближение России и Китая началось задолго до украинского конфликта и продолжается уже более 30 лет. Его причины гораздо более фундаментальны, чем признается большинством наблюдателей, и заключаются в постепенном понимании близости и даже совпадения коренных взглядов на международную систему и геополитическую ситуацию». http://igpi.ru/bibl/other_articl/1424674503.html. Александр Лукин, «Россия, Китай и возникающая Большая Евразия», 18 августа 2015 года. <http://www.theasanforum.org/russia-china-and-the-emerging-greater-eurasia~pobj>.

Тем не менее, он также признает наличие «сложностей» в российско-китайских отношениях, которые, при иных обстоятельствах, заставили бы Москву проводить «более сдержанную политику», поскольку «в российском руководстве и элите всегда существовало различие подходов к Китаю и Западу». То есть, в конце концов, это была «враждебная политика Запада», которая «не оставляет альтернативы». [...] «Москве не остается ничего, кроме как поворачиваться к Азии, прежде всего к Китаю».

С одной стороны, поиск надежного укрытия в Азии – и особенно в Китае – это явно защитный маневр, который призван нейтрализовать усилия Запада по международной изоляции России и смягчить последствия экономических санкций (резкое падение цен на нефть одновременно и усилило, и затмило их значение). Но, с другой стороны, такой шаг явно выходит за рамки текущих проблем. Он, скорее, вписывается в русло заявленной Россией цели покончить с доминированием США и с «ориентированным на Запад и ведомым США» миропорядком. Многополярный международный порядок – вот о чем говорил Путин на Мюнхенской конференции по безопасности в начале 2007 года.

По словам Дмитрия Тренина, все это привело к существенному пересмотру политической карты мира в Кремле: первоначальное видение Путиным «большой Европы» – от Лиссабона до Владивостока, включающей ЕС и ЕАЭС, сменяется на «большую Азию» – от Шанхая до Санкт-Петербурга¹⁰. В этом смысле, Евразия, как минимум, должна стать новым центром экономического и политического притяжения, где Россия и Китай будут задавать тон без ненужного вмешательства США.

Такое видение мира имеет знакомый геополитический подтекст. Если принять его в качестве залога будущего развития, то он может иметь далеко идущие последствия. Например, в духе Хэролда Макиндера, где контроль над евразийской «глубинкой» считается ключом к мировому господству (эта идея в течение многих лет пропагандируется в России Александром Дугиным и его, по европейским меркам, неофашистским евразийским движением).

Такое совпадение является еще одним показателем того, насколько близко Кремль, как представляется, подошел к рецептам тех «патриотов», которые, в конечном счете, находят будущее России в ее прошлом, в сочетании белого и красного.

На фоне украинского кризиса многим казалось, что это отголоски некоего внутреннего противостояния, замешанного на внешнеполитических проблемах. Что это не просто поворот на Восток, но и обращение к китайской модели развития: авторитарное руководство в сочетании с государственным капитализмом – нечто вроде того, что соратник Дугина по Изборскому клубу и официальный советник Кремля по евразийской интеграции Сергей Глазьев изложил в виде сложного интеллектуального плана¹¹.

Иными словами, поворот России на Восток можно считать кульминацией тенденции, которая просматривалась задолго до украинского кризиса – начиная с возвращения Путина на пост главы государства в 2011–2012 гг. Случился комплексный

¹⁰ Дмитрий Тренин. *От Большой Европы к Большой Азии? Китайско-российская Антанта*. 9 апреля 2015 г.

¹⁰ <http://carnegie.ru/2015/04/09/from-greater-europe-to-greater-asia-sino-russian-entente/i64a#>.

¹¹ См., среди других многочисленных публикаций Сергея Глазьева «Момент истины: Россия и санкции Запада», 24 июня 2014 г. www.dynacon.ru/content/articles/3397.

сдвиг парадигмы. То, что раньше было «модернизацией», стало «мобилизацией». Что прежде называли «глобализацией», стало «локализацией» (и «импортозамещением»). Что считалось «демократическими» ценностями, оказалось «традиционными». А то, что прежде указывало на равнение на Запад, обернулось поворотом на Восток.

История вопроса

Несомненно, Россия добилась немалых успехов в повороте на Китай за достаточно короткое время. «Стратегическому партнерству» между Москвой и Брюсселем так и не удалось выйти за рамки блеклых деклараций, в то время, как партнерство между Москвой и Пекином привело к возникновению поистине привилегированных отношений. Путин совершенно прав в своих неоднократно высказываемых замечаниях: «Что касается Китайской Народной Республики, то уровень, характер и доверительность наших отношений достигли, пожалуй, беспрецедентных в истории наших отношений значений»¹². Примечательно, но однажды нечто подобное было сказано о немецко-российских отношениях, правда, тогда история оказалась куда более бурной, и взаимное понимание основывалось на ограничениях, вызванных (усугубляющихся) ценностным разрывом (который *prima facie* представляет собой еще одну точку конвергенции в случае Китая).

Доказательством тесного союза России и КНР является, например, тот факт, что посольство РФ в Пекине уступает по размерам только российскому посольству в Вашингтоне и что, вопреки обычной практике, с Китаем у России четыре межправительственных комиссии, курируемых российскими вице-премьерами¹³. Частые взаимные визиты и многочисленные соглашения, заключенные и подписанные в ходе совместных мероприятий, дополняют общую картину. Тот факт, что Китай по существу пожертвовал другим своим партнером, с которым у него ранее были близкие отношения – Украиной, также свидетельствует о большом значении, которое Пекин придает отношениям с Москвой.

Пекин хранил молчание по поводу нарушения Москвой некогда поддерживаемого ею принципа государственного суверенитета и территориальной целостности – как это, в свою очередь, делает Россия в отношении территориальных притязаний Китая на Востоке и в отношении южно-китайских морей (во что вовлечен другой столь же близкий партнер – Вьетнам). Пекин, не колеблясь, осудил санкции Запада и поддержал Россию в ее усилиях по борьбе с их последствиями.

¹² Пленарное заседание 19-го Санкт-Петербургского международного экономического форума, 19 июня 2015 года. <http://en.kremlin.ru/events/president/news/49733>.

¹³ См. Александр Габуев. Политика России в отношении Китая: основные игроки и процесс принятия решений. 5 марта 2015 г. <http://carnegie.ru/2015/03/05/russia-s-policy-towards-china-key-players-and-decision-making-process/i4ek>.

Экономический обмен между Россией и Китаем, по крайней мере, в сфере торговли, представляет собой столь же оптимистическую картину. С 2010 года Китай – крупнейший партнер России по двусторонней торговле, оборот которой достиг \$95 млрд в 2014 году (в 1990-х годах он был всего лишь \$5–7 млрд в год). Основываясь на этом успехе, была заявлена цель увеличить российско-китайскую торговлю до \$100 млрд к 2015 году и до \$200 млрд к 2020 году, что, в свете средних темпов роста около 30%, *prima facie* не кажется невероятным. Однако в 2015 году российско-китайская торговля не могла избежать влияния экономического спада в обеих странах и падения мировых цен на энергоносители: товарооборот снизился на 28% (до \$62 млрд, причем китайский экспорт упал на 34%, а российский – на 19%, по большому счету, в унисон с сокращением пострадавшей от санкций торговли России с ЕС), что на некоторое время вывело эти амбициозные цели за пределы досягаемости.

Взаимные инвестиции были менее впечатляющими: по состоянию на конец 2013 года, объем китайских вложений в российскую экономику приблизился к \$5 млрд (из общего объема китайских примерно в \$115 млрд), в то время как российские вложения в Китай составили всего лишь \$860 млн¹⁴. Некоторые эксперты объясняли падение китайских инвестиций в такие чувствительные сектора, как энергетика, горнодобывающая промышленность и инфраструктура, одной причиной: последние 15 лет участие компаний из КНР в крупных российских инфраструктурных проектах не особо поощрялось самой Россией. Опасения Москвы якобы основывались на усилении конкуренции с местными компаниями и возможным притоком китайских рабочих-мигрантов. Планы по строительству новых станций Московского метрополитена, а также высокоскоростной железнодорожной магистрали Москва-Казань (первоначально переговоры шли с Siemens) – это первые практические признаки расширения возможного китайского участия¹⁵.

Финансовое сотрудничество – новый аспект взаимодействия, который отчасти является ответом на санкции Запада, а отчасти обусловлен целью преодоления доминирования доллара США.

В 2010 году ММВБ запустила торги рубля и юаня, но продажи практически не сдвинулись с мертвой точки. Ситуация резко изменилась в октябре 2014 года: ЦБ РФ и Народный банк Китая подписали трехлетнее соглашение о валютном свопе на сумму свыше \$24,5 млрд.

¹⁴ Михаил Титаренко и др. Развитие российско-китайских торговых, экономических, финансовых и трансграничных связей. Рабочий документ РСМД 20/2015, с. 4

¹⁵ См. Александр Габуев. Мягкий альянс? Российско-китайские отношения после украинского кризиса. Европейский Совет по международным отношениям. Февраль 2015 г.

Тем не менее, китайские инвестиции в Сибирь и в сельское хозяйство остаются предметом весьма напряженных обсуждений. Новость о том, что Забайкальский край выделит 115 000 га земли китайской компании, вызвала многочисленные протесты. См. Александр Габуев. Следует ли россиянам опасаться китайской колонизации? 30 июня 2015 г. www.themoscowtimes.com/opinion/article/should-russians-fear-chinese-colonization/524739.html.

В 2013 году на расчеты в рублях и юанях приходилось всего 2% двусторонней торговли, в настоящее время обе страны стремятся к уровню 50%¹⁶.

После долгих лет затяжных переговоров о ценах, в мае 2014 г. была заключена первая большая газовая сделка. Речь идет о так называемом восточном коридоре. Природный газ из двух дальних месторождений к востоку от Байкала – Чаяндинского и Ковыктинского – будет поставляться через недавно построенный трубопровод «Сила Сибири» с заявленной мощностью в 38 млрд кубометров в год (с возможным ее увеличением приблизительно до 60 млрд куб м). Цена на газ не разглашается, но, по некоторым данным, условия и формула ценообразования сопоставимы с теми, о которых Россия договорилась со своими европейскими покупателями¹⁷.

10 ноября 2014 г. Москва и Пекин подписали еще один меморандум о взаимопонимании по поводу поставок газа по «западному коридору», который должен соединить месторождения Западной Сибири (оттуда идут поставки в Европу) с Китаем по трубопроводу через Алтайские горы. Теоретически это позволит России выбирать между покупателями на Востоке и на Западе, и это будет первым проектом, реализующим мечту Газпрома по превращению «европейского» газового рынка в рынок «евразийский», который можно обслуживать в произвольном порядке¹⁸.

Контракты на российский экспорт сырой нефти, заключенные между Роснефтью и Китайской национальной нефтегазовой корпорацией в 2013 году (на поставку 360 миллионов тонн нефти в течение 25 лет), дополняют картину энергетического альянса между Москвой и Пекином¹⁹.

Комплекс природных ресурсов Сибири и Дальнего Востока – нефть, газ, уголь, металлы, древесина, а также близость к азиатским странам, являются наиболее очевидным (и в настоящее время наиболее важным для России) активом и конкурентным преимуществом. Исходя из этого, регион, как ожидается, получит более последовательную и эффективную стратегию развития. Уже есть новая Федеральная целевая программа развития Дальнего Востока и Байкальского региона на ближай-

¹⁶ А. Габуев. Мягкий альянс?, цит. соч.

¹⁷ См на эту тему: Алексей Гривач, «В чем выгода для России от газового контракта с Китаем?», *Россия в глобальной политике*, № 3, 2014 г. <http://eng.globalaffairs.ru/print/number/A-Window-to-Asia-16999>. Владимир Милов отнесся к этому скептически: «Новые энергетические альянсы России: мифология и реальность», *Париж (Russie, NEI, Visions* № 86), июль 2015 г., с. 7–9

¹⁸ См. на эту тему: «Европа и Евразия: на пути к новой модели энергетической безопасности. Аспект природного газа», *Международный дискуссионный клуб «Валдай»*, справка для Берлинской конференции, 13 апреля 2015 г. Первый меморандум такого рода был подписан еще в 2006 году, и с тех пор особенных успехов не было достигнуто. Аналогичным образом третий проект, который также широко освещался – совместный терминал СПГ во Владивостоке, кажется, тоже зашел в тупик.

¹⁹ Прибавьте к этому доли капитала, которые китайские компании приобрели в последнее время в российских компаниях, занимающихся разработкой природных ресурсов и месторождений. См., например, подготовленный совместно МИСИ и ИМЭМО доклад «США и Россия в Азиатско-Тихоокеанском регионе», 2016 г., с.10.

шие пять лет, а также «Перечень приоритетных инвестиционных проектов в Дальневосточном федеральном округе», утвержденный Правительством РФ 3 июня 2013 года. Есть, наконец, соответствующие указания Владимира Путина по созданию точек экономического роста – об этом он говорил в своем обращении к Федеральному Собранию Российской Федерации 12 декабря 2013 года²⁰.

Оптимизм по поводу значительных позитивных подвижек в регионе пока весьма осторожный. Результаты деятельности созданного в 2012 году Министерства по развитию Дальнего Востока РФ оцениваются российскими экспертами весьма критически²¹. По мнению же их китайских коллег, российское государство не смогло предпринять даже базовых подготовительных усилий для создания благоприятных инвестиционных условий. Отсутствует адекватная транспортная инфраструктура вдоль границы. России не удалось построить свою часть 2,2-километрового моста через реку Амур, что было обещано сделать сначала в 2007 году, а потом – в 2014-м, но никаких особых усилий в этом направлении с тех пор не предпринято. Китайские критики объясняют это «подозрениями» Москвы относительно участия и страны в развитии Сибири и Дальнего Востока, опасениями, связанными с притоком китайского капитала и рабочих-мигрантов²².

В то же время, военное сотрудничество с Китаем за последние несколько лет значительно окрепло. Примерами могут служить совместные военно-морские учения. Например, «Морское взаимодействие/Joint Sea 2014» (май 2014 года, крупнейшие учения за все время, хотя в принципе немасштабные: 6 судов с каждой стороны), учения «Миссия мира-2014» (август 2014 г.), военно-морские учения «Морское сотрудничество 2015»²³. Ближайшие двусторонние военно-морские учения запланированы на 2016 год в западной части Тихого океана.

Поставки оружия и сотрудничество в области вооружений – еще одна область, в которой были преодолены препятствия и недомолвки, но, опять же, с опозданием. Если в 1990-е годы военно-техническое сотрудничество представляло собой один из основных элементов взаимной торговли, и доля Китая в экспорте российских вооружений была весьма значительной, то в течение следующего десятилетия она постепенно снижалась. Одна из причин – аналогична той, что беспокоила и западный бизнес: как и в России, там тоже были встревожены склонностью Китая копировать оборудование. Сообщалось, что последние крупные заказы между Москвой и Пекином размещены в 2007 г.²⁴ Однако,

²⁰ Титаренко и др., *цит. соч.*, с. 4–5.

²¹ «Пока оно не выполнило свою основную функцию и не сделало регион привлекательным для бизнеса и для людей. До сих пор нет четкого понимания, в какой стране на Дальнем Востоке следует сосредоточить усилия по налаживанию сотрудничества, а инвестиционный климат по-прежнему неблагоприятен для иностранных инвесторов» (Титаренко и др., *цит. соч.*, с. 19).

²² Лузянин/Хуашэн и др., *цит. соч.*, с. 16.

²³ Там же, с. 4.

²⁴ Александр Габуев. Политика России по отношению к Китаю: ключевые игроки и процесс принятия решений. 5 марта 2015 г. <http://carnegie.ru/2015/03/05/russia-s-policy-towards-china-key-players-and-decision-making-process/i4ek>.

учитывая серьезный кризис в отношениях между Россией и Западом, хорошо информированные наблюдатели ожидают дальнейшего усиления военного и военно-технического сотрудничества, при котором будет расширяться список высокотехнологичной продукции, которую Москва готова поставлять в Пекин: «По всей видимости, ограничения на поставки некоторых новейших технологий в Китай будут снижены»²⁵.

Проблемы и риски

Несмотря на расширение взаимного сотрудничества и заметные достижения в этой области, в отношениях между Россией и Китаем остается множество проблем и рисков, которые необязательно угрожают самому процессу взаимодействия, но все же осложняют и замедляют его.

На самом базовом уровне Китай во многом остается для россиян *terra incognita*. Эта позиция разительно контрастирует с восприятием Россией Запада, поворот в сторону которого начался двадцатью годами раньше. Таким образом, российский «народный дискурс» об отношениях с Китаем диктуется отсутствием опыта и знаний. Такая же ситуация и в Китае, где также в очень малой степени присутствует ощущение взаимного влечения и понимания²⁶.

Если в отношениях России с Западом у Москвы часто присутствует комплекс неполноценности, то к Азии она испытывает чувство культурного превосходства (хотя и не обязательно по отношению к Китаю). С другой стороны, в то время как «европеизм» России всегда был вопросом поиска идентичности, «азиатство» России – это всего лишь прагматичный выбор. Но учитывая заморозку отношений Востока и Запа-

²⁵ Сергей Лузянин, Чжао Хуашэн и др. Российско-китайский диалог: модель 2015 г. Отчет РСМД 18/2015, с. 9. Некоторые даже говорят, что сотрудничество двух военно-промышленных комплексов будет локомотивом экономического сотрудничества (не в последнюю очередь потому, что обе страны в равной степени находятся под западными санкциями и еще потому, что «китайские оборонные предприятия могут служить в качестве моста для доступа к высокотехнологичным гражданским предприятиям Китая»); см. Василий Кашин. Промышленное сотрудничество: путь к слиянию российской и китайской экономики. Москва (документы Валдая, № 44), март 2016 г., с. 10.

²⁶ Даже на последнем Петербургском экономическом форуме 2015 года, проведение которого было затруднено отсутствием всякого интереса со стороны Запада, Китай был серьезно недопредставлен. Один китайский участник жаловался: «Я не уверен, что ваши деловые люди готовы использовать преимущества, предлагаемые китайским рынком. Просто оглянитесь вокруг. Сколько здесь китайцев в аудитории? Я чувствую себя в одиночестве на этой сцене. Сколько россиян в Китае? Я даже не знаю. Беседуя с моими российскими друзьями обо всем этом в течение последних двух дней, я пришел к выводу, что люди здесь до сих пор рассматривают Азию как место, которое они хотели бы заполучить, но они не готовы пойти туда и взять на себя экономические обязательства». Пленарное заседание 19-го Санкт-Петербургского международного экономического форума, 19 июня 2015 г. <http://en.kremlin.ru/events/president/news/49733>.

да, оно, судя по всему, выходит за рамки чистого прагматизма. В частности, министр иностранных дел Сергей Лавров в начале 2016 года предпринял попытку переосмысления истории. По его словам, период монгольского нашествия имел «чрезвычайно важное значение для утверждения независимой роли российского государства в Евразии». Золотая Орда была в достаточной степени толерантна, чтобы обеспечить «право русского человека иметь свою веру, самому распоряжаться своей судьбой, вопреки попыткам европейского Запада полностью подчинить русские земли, лишить их собственной идентичности. Такая мудрая, дальновидная политика, убежден, осталась в наших генах»²⁷.

С учетом вышесказанного, заявленный прагматизм России остается под угрозой подспудной обеспокоенности в связи с ростом Китая. В отличие от западных аллюзий о «желтой угрозе», опасения России усугубляются адекватной и своеобразной озабоченностью: (растущей) экономической и демографической асимметрией между Китаем и малонаселенной Сибирью и Дальним Востоком.

Асимметричное экономическое развитие

Экономические отношения между Россией и Китаем характеризуются рядом асимметрий, некоторые из которых создают проблемы, а некоторые – открывают возможности. Одна такая асимметрия заключается в постепенно растущем разрыве в ВВП двух стран, что, по мнению российских наблюдателей, является «главной проблемой сегодняшних российско-китайских отношений». ВВП России составляет лишь около 20% от ВВП Китая²⁸. Показателен и коэффициент зависимости двух стран: при 1,76% в 2009 году и 2,15% в 2013 году, доля России во внешней торговле Китая остается небольшой, в то время как Китай занимает основное место в российской внешней торговле, и его доля значительно выше 10%.

Эта асимметрия вызывает опасения, что «Китай диверсифицирует свою торговлю, в то время как Россия начинает все более зависеть от китайского рынка»²⁹. Но поскольку торговля по-прежнему составляет чрезвычайно важную часть экономических отношений, взаимозависимость двух стран остается крайне низкой.

В структуре торговли есть свои дисбалансы, проявившиеся в последние десять лет.

²⁷ Сергей Лавров. Историческая перспектива внешней политики России//Россия в глобальной политике. 3 марта 2016 (408-03-03-2016). www.mid.ru/en/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkIE02Bw/content/id/2124391.

²⁸ Титаренко и др., с. 8.

²⁹ Там же, с. 10.

В 1999 году структура российского импорта из Китая была в достаточной мере сбалансирована между готовыми промышленными изделиями (металлы, пластик, текстиль, обувь, станки) и сырьевыми товарами (древесина, овощи). Однако к 2013 году в этом импорте явно стала преобладать продукция с высокой добавленной стоимостью (в частности, станки и электронные изделия), и ее доля доходила до 48%. Что касается экспорта, то там все наоборот: в 1999 году, на черные металлы и станки приходилось 39% российского экспорта в Китай (экспорт энергоносителей составлял всего лишь 6%), а в 2013 году экспорт этой продукции сократился до 4%, в то время как экспорт нефти и других энергоносителей вырос до 74%.

Безусловно, большая доля экспорта нефти и газа предполагает зависимость российских поставок от ресурсной политики Китая. Некоторые эксперты утверждали, что Китай, развернувшись в сторону России, просто стремится минимизировать свои риски в секторе импорта энергоносителей. В настоящее время импорт нефти и газа из России составляет всего 6% и 4%, соответственно, всех поставок этих двух видов энергоносителей в Китай.

В свете этого, в первом докладе Валдайского клуба «К Великому океану» был сделан вывод, что любой ценой следует избежать заикливания на строительстве нефте- и газопроводов исключительно для Китая. «Они должны идти в порты Дальнего Востока, и оттуда – на весь рынок Тихого и Индийского океанов. Нельзя повторять вынужденную советскую ошибку, когда все газопроводы были построены только по линии Восток-Запад»³⁰.

Как и в случае с Европой, растет обеспокоенность в связи с тем, что Россия может стать сырьевым придатком Китая. Эта точка зрения кажется все более обоснованной: стратегические цели двух стран по расширению взаимной торговли могут быть достигнуты только при сохранении нынешней структуры двустороннего товарооборота. То есть, за счет увеличения российского (сырьевого) экспорта в Китай и китайского импорта в Россию (преимущественно оборудования)³¹.

Торговля России с Китаем является точным слепком с торговли России с Западом, особенно с Европейским Союзом³². То есть, она не претерпит структурных изменений, а скорее укрепит статус-кво. Начиная с 2014 года, обменный курс влиял на внешнюю торговлю страны. Пагубные последствия «голландской болезни» на россий-

³⁰ К Великому океану, или новая глобализация России. Аналитический доклад МДК «Валдай». Москва, июль 2012 г., с. 64.

³¹ Лузянин/Хуашэн и др., *цит. соч.*, с. 26. Другие указывают на срочную необходимость расширения транспортных мощностей: см. Титаренко и др., *цит. соч.*, с. 19.

³² С оговорками, поскольку Китай, в отличие от ЕС, из которого Россия обычно ввозила наибольшую часть оборудования, на самом деле не выказывает склонности делиться своими технологиями, а также не обладает соответствующим технологическим потенциалом и не готов серьезно инвестировать в экономику России. См. на эту тему, например, «Россия и Китай: на пути к светлому будущему?» 9 июня 2015 г. http://russiancouncil.ru/en/inner/?id_4=6095&active_id_11=37#top-content.

ский экспорт могут быть исправлены заметным ослаблением рубля в результате снижения цен на нефть. Но структура торговли России – это, прежде всего, отражение ее системных структурных проблем. Андрей Кортунов ясно указал, что именно поставлено на карту:

«Если Россия не будет модернизировать и диверсифицировать свою экономику, повышать ее инновационный потенциал, то ее связи с Китаем останутся односторонними: Россия будет экспортировать сырье, энергоресурсы и военную технику и взамен получать потребительские товары, продукцию автомобилестроения и так далее. Во избежание этого и для перехода к более сложным проектам сотрудничества нам необходимо перестроить нашу экономику»³³.

Другими словами, само по себе экономическое сотрудничество с Китаем не поможет России справиться с ее экономическими проблемами. Скорее, наоборот: Китай будет в значительной степени выигрывать от взаимоотношений двух стран. Об этом неоднократно и недвусмысленно говорили китайские представители. Отмечалось и то, что, за исключением крупных энергетических и инфраструктурных проектов, «компании должны будут выступать в качестве субъектов двустороннего торгового-экономического сотрудничества», и России необходимо «развивать рыночные механизмы», без которых «масштабный прорыв в торговом-экономическом сотрудничестве вряд ли произойдет, в частности, когда речь идет о взаимных инвестициях». Вам это что-то напоминает? Нечто подобное неоднократно звучало в ходе встреч между ЕС и Россией (и воспринималось российской стороной как ничем не обоснованные нотации).

То же самое относится и к российским «технологическим кластерам», которые не функционируют должным образом по тем же причинам. «К сожалению, Россия выбрала для создания технологических кластеров отдаленные регионы с малочисленным населением и слабо развитой экономикой. Сколько бы Россия ни надеялась, что иностранный капитал займется развитием этих регионов, они остаются малопривлекательными для иностранного бизнеса»³⁴.

В своем повороте на Восток, Россия сталкивается с тем же адаптивным давлением, что и в ее проверенных временем отношениях с Западом. Еще неизвестно, даст ли «партнерство для модернизации» между Москвой и Пекином более ощутимые результаты, чем партнерство, которое она создала с ЕС и большинством его государств-членов примерно в то же время. Это в равной степени примечательно и с точки зрения использования возможностей, предоставляемых китайской стратегией ОПОП.

³³ Ксения Зубачёва. Ключевые вопросы разворота России в сторону Китая. 3 июня 2015 г. www.russia-direct.org/debates/pivotal-questions-about-russias-china-pivot

³⁴ Лузянин/Хуашэн, и др., цит. соч., с. 15, 21.

Шелковый путь и управление интересами

К большому огорчению Москвы, Европа выступает перед Россией весьма сплоченным фронтом. В Азии ситуация иная. Здесь Россия действует в условиях минного поля взаимных территориальных претензий, исторической вражды и нестабильных союзов. Такая ситуация может стать еще более некомфортной, чем в Европе, так как Россия может быть вынуждена в какой-то момент занять ту или иную сторону. В частности, потому что Китай, так или иначе, вовлечен в большинство взрывоопасных ситуаций. Причем, необязательно «гармоничным» образом, а, скорее, в манере, свидетельствующей о его столь раскрученном в глобальном сознании подъеме. Это, например, касается отношений между Китаем и Индией, при этом Дели – проверенный временем партнер России и основной покупатель российских вооружений.

Это также касается еще более напряженных отношений между Китаем и Вьетнамом, где последний был не только объектом китайского военного вторжения, но и имеет весьма очевидный интерес к островам Спратли в Южно-Китайском море. Из этой же «обоймы» отношения между Китаем и Японией. С Токио Москва пытается решить вопросы, зависшие еще со времен Второй мировой войны, в приостановленных сейчас переговорах в формате «два плюс два», по поводу того, что Япония называет «северными территориями» (часть Курильских островов). Китайские представители четко заявили, что, несмотря на расхождения взглядов, Пекин ожидает, что Россия сохранит хотя бы нейтральный и взвешенный подход к его интересам³⁵.

Центральная Азия была одной из областей, в которой в течение некоторого времени сохранялась опасность открытого конфликта, где интересы Китая в его «марше на Запад» напрямую пересекались с особыми интересами России. Присутствие Китая в регионе постоянно росло и активизировалось в конце 2013 года, когда президент Си Цзиньпин выступил с двумя предложениями по Шелковому пути: по проектам «Экономический пояс Шелкового пути» (в Астане 7 сентября) и «Морской шелковый путь XXI века» (в Джакарте 3 октября)³⁶. Обе эти инициативы под названием «Один пояс – один путь» (ОПОП), предназначены для установления связей между Китаем и Европой. Предполагается строительство инфраструктуры, «ключевых экономических промышленных парков в качестве платформ сотрудничества», снятие торговых и инвестиционных барьеров вдоль всего Пояса и строительство экономических коридоров, которые связывали бы с ним соседние регионы³⁷.

³⁵ Там же, с. 24, с тщательной дипломатической формулировкой: «В рамках этого доверительного партнерства, Россия и Китай должны подходить к ряду чувствительных тем в своей внутренней и внешней политике с терпением и пониманием. Этими темами для Китая являются Тайвань, Южно-Китайское море, Восточно-Китайское море и Тибет, а для России – Украина и Крым, а также распространение православия в Китае и другие темы» (с. 25).

³⁶ См. предложения, изложенные более подробно в «Концепции и плане действий по содействию совместному строительству Экономического пояса Шелкового пути и Морского шелкового пути XXI века». Издано Национальной комиссией по развитию и реформам Министерства иностранных дел и Министерства торговли Китайской Народной Республики, март 2015 г. http://en.ndrc.gov.cn/newsrelease/201503/t20150330_669367.html.

³⁷ «Концепция и план действий по содействию совместному строительству Экономического пояса Шелкового пути и Морского шелкового пути XXI века». Издано Национальной комиссией по развитию и реформам Министерства иностранных дел и Министерства торговли Китайской Народной Республики, март 2015 г. http://en.ndrc.gov.cn/newsrelease/201503/t20150330_669367.html.

До настоящего времени официальная концепция ОПОП была довольно расплывчатой. Говорят, что она включает в себя «тенденцию к многополярному миру, экономической глобализации, культурному разнообразию и максимальному использованию достижений информационных технологий» и предназначена для поддержания глобального режима свободной торговли и открытой мировой экономики в духе открытого регионального сотрудничества»³⁸. Менее расплывчатым представляется ошеломляющий объем финансирования. В 2014 году создан Фонд Шелкового пути в размере \$40 млрд. Кроме того, Китай объявил о выделении \$46 млрд для китайско-пакистанского экономического коридора. Говорят, премьер-министр Ли Кэцян выделил по меньшей мере \$94 млрд на финансирование проектов, связанных с ОПОП. Комиссия по развитию и реформам Китая сообщила, что в течение ближайших 10 лет может быть выделено до \$800 миллиардов³⁹.

Пекин выдвинул ряд предложений, послуживших началом реализации ОПОП. Шелковый путь превращается в крупную стратегию и любимый проект китайского руководства.

Прежде всего, исторический Шелковый путь пробуждает в основном положительные эмоции, вызывая в воображении картину мирного и взаимовыгодного обмена. Как таковой, ОПОП служит прекрасным инструментом дипломатической мягкой силы для продвижения «китайской мечты» Си Цзиньпина о восстановлении роли Китая как мировой державы⁴⁰. В более приземленном варианте, ОПОП отражает желание Китая не ограничиваться более регионом Восточной Азии для того, чтобы избежать конфронтации с США (логическое обоснование предложения о «марше на Запад») и диверсифицировать свои международные связи, соизмеримые с подъемом Китая и его глобальными амбициями⁴¹.

С экономической точки зрения, ОПОП увязывается с необходимостью придания импульса развитию западных и центральных провинций Китая, которые серьезно отстают от динамично развивающихся прибрежных районов. Таким образом, ОПОП дополняет «Великое западное развитие» – национальную стратегию, которую Китай начал осуществлять еще в 2000 году. Как указано в его официальной концепции, основной акцент ОПОП приходится на развитие связей с государствами, прилегающими к Шелковому пути: задача состоит в «создании

³⁸ Концепция и план действий..., цит. соч.

³⁹ David Arase, *China's Two Silk Roads: Implications for Southeast Asia (исправленный вариант)*, ISEAS Perspective, No. 2, 2015, Singapore, 22 January 2015. www.iseas.edu.sg/images/pdf/ISEAS_Perspective_2015_2.pdf. И, конечно же, поддерживаемый Китаем «Азиатский банк инфраструктурных инвестиций» (АБИИ) с капиталом в \$100 млрд.

⁴⁰ См. Margot Schüller, Tam Nguyen. *Vision einer maritimen Seidenstraße: China und Südostasien*, GIGA-Focus No. 7, 2015.

⁴¹ В связи с этим было высказано мнение, что ОПОП отражает стремление Китая к «получению большего контроля над региональными соглашениями и институтами и постепенному позиционированию себя по отношению к США, а также Японии, в качестве бесспорного регионального лидера» Alice Ekman. *China: setting the agenda(s)?* Институт Европейского Союза по изучению вопросов безопасности. Справка. 4, март 2015 г..

всемерной, многоярусной и сложной сети связей и в реализации диверсифицированного, независимого, сбалансированного и устойчивого развития в этих странах». Таким образом, страны, расположенные вдоль Пояса и Пути, должны «усовершенствовать связь своих планов строительства инфраструктуры и системы технических стандартов, совместно заниматься строительством международных магистральных транспортных коридоров, и образовывать инфраструктурную сеть, которая постепенно соединит все субрегионы Азии, а также Азию, Европу и Африку»⁴².

Учитывая, что даже в Восточной и Центральной Азии нет недостатка в институтах, которые призваны содействовать развитию сотрудничества, разочарование в их деятельности также могло сыграть определенную роль в появлении инициативы создания ОПОП. Более конкретно такие ощущения относятся к Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), которая одно время была предпочтительным механизмом для Пекина в плане обеспечения региональной безопасности и экономического сотрудничества. Китай настаивал на большей экономической роли ШОС, предлагал создать правовую базу для зоны свободной торговли, деловой совет, банк регионального развития и, учитывая уроки экономического кризиса 2008–2009 годов, антикризисный фонд⁴³. Эти инициативы тем или иным образом были отведены Россией или странами Центральной Азии⁴⁴.

ОПОП подает сигнал о том, что Китай готов приступить к проведению гораздо более активного одностороннего курса, который, безусловно, не нацелен на Россию, но, тем не менее, серьезно затронет российские интересы – в частности, в сухопутном варианте Пути. Например, любимая организация России –

⁴² Концепция и план действий..., цит. соч.

⁴³ Alexander Cooley. "Tending the Eurasian Garden: Russia, China and the Dynamics of Regional Integration and Order", Paper prepared for ICCEES, Makuhari, Revised Draft, 1 July 2015. Он также сделал загадочное замечание о том, что в результате этого разочарования, «Пекин занял любопытную позицию и запустил целый ряд двусторонних экономических инициатив, но постфактум говорил о них, как о проектах ШОС».

⁴⁴ Это, например, касается предложений Китая по антикризисному фонду, или, чуть позже, по Банку развития ШОС, с предложением о создании которого Пекин выступил в 2012 году, ожидая предоставления кредитов под конкретные проекты (в размере приблизительно \$10 млрд). Уставный капитал банка должен был состоять из пропорциональных взносов каждого государства-участника, в зависимости от размера его ВВП, что также будет определять право голоса. Россия закрыла глаза на это предложение и вместо этого предложила расширить свой Евразийский банк развития, созданный в 2006 году и в значительной степени контролируемый Москвой и Астаной. Прочие финансовые инструменты, участниками которых – на более справедливой основе – являются Китай и Россия, включают Новый банк развития БРИКС, который, как ожидается, должен выделить равную долю из \$50 млрд стартового капитала, который будет увеличен до \$100 млрд (правление банка провело свое первое заседание 7 июля 2015 г.), и Резервный фонд БРИКС с его обязательствами в размере \$100 млрд, из которых Китай оплачивает львиную долю в размере \$41 млрд. Эти два механизма не только являются зеркальным отражением западных международных финансовых институтов, но также будут выполнять функции, первоначально отводимые Банку развития ШОС. См.: Александр Габуев, «Приручить дракона: как использовать финансовые амбиции Китая в ШОС», 19 марта 2015 г. <http://carnegie.ru/2015/03/19/taming-dragon-how-can-russia-benefit-from-china-s-financial-ambitions-in-sco/i4sd>.

«Евразийский экономический союз» (ЕАЭС), напрямую зависит от ОПОП, так как некоторые из стран, включенных Китаем в Пояс, являются ее членами (например, Казахстан и Киргизия) или потенциальными участниками (Таджикистан). Это неизбежно вызывает озабоченность в связи с пересечением сфер интересов. Кроме того, ОПОП также может стать конкурентом России в плане развития инфраструктуры. Первоначально Москве отводилась лишь второстепенная роль в концепции ОПОП, так как основная часть была направлена на регион к югу от ее границы. Для Москвы это досадно: она продолжает рекламировать свою территорию в качестве основного коридора для транзита между Азией и Европой, несмотря на ее ограниченный потенциал.

На самом деле, ОПОП предполагает создание различных сухопутных коридоров для перевозки грузов из Китая в Европу и обратно, каждый из которых считается более удобным и предпочтительным по сравнению с перегруженными и затратными по времени морскими перевозками. Из этих коридоров северный маршрут – самый длинный, но наиболее устоявшийся. Он поделен между Транссибирской железнодорожной магистралью и маршрутом, идущим к югу от Монголии через Казахстан в Россию и далее – в порты Роттердама и Дуйсбурга. Эти пути широко используются, например, железнодорожной компанией Deutsche Bahn, которая в 2011–2012 годах задействовала почти 200 контейнерных поездов для компании BMW по маршрутам в Чунцин и Шэньян, соответственно⁴⁵. Железнодорожные грузовые перевозки по маршруту через Казахстан производятся с 1992 года⁴⁶.

⁴⁵ www.deutschebahn.com/de/konzern/im_blickpunkt/2504358/db_schenker_chinazug_20120511.html.

⁴⁶ Zhang Xiaotong, Marlen Belgibayev. China's Eurasian Pivot. *The Asan Forum*, January-February 2016. Vol. 4, No. 1, www.theasanforum.org/chinas-eurasian-pivot.

На южном маршруте, который идет в обход России, пробовались различные варианты транспортного сообщения.

Эти вновь возникающие пути имеют некоторые недостатки, например, многочисленные пункты таможенного досмотра. Но они активно развиваются, и в один прекрасный день могут стать реальным конкурентом гораздо более продолжительным северным маршрутам. Один из таких пробных путей проходил между Китаем и Тегераном в начале 2016 года и, как ожидается, станет регулярным грузовым маршрутом, который будет использоваться раз в месяц⁴⁷. В 2015 году компания DHL также воспользовалась услугами по доставке за 14 дней из Ляньюньгана через Казахстан, Азербайджан и Грузию, включая два транзитных сегмента по морю, с конечным пунктом в Стамбуле⁴⁸.

Источник: <http://www.dpdhl.com/>

Данный маршрут находится в ведении Координационного комитета по развитию Транскаспийского международного транспортного маршрута (ТМТ), созданного по инициативе Казахской железной дороги и включающего порты, железные дороги и логистические компании Азербайджана, Казахстана, Грузии, Турции и Китая⁴⁹. В последнее время, Украина проявляла определенный интерес к Транскаспийскому маршруту, скорее всего (и демонстративно) как к возможности обхода территории России: 15 января 2016 года Украина отправила контейнерный поезд из 30 вагонов

⁴⁷ Güterzug von China in den Iran Die neue Seidenstraße lebt, 16 February 2016. www.faz.net/aktuell/wirtschaft/ttip-und-freihandel/gueterzug-von-china-in-den-iran-die-neue-seidenstrasse-lebt-14073293.html.

⁴⁸ Компания DHL прокладывает путь для нового Шелкового пути по ж/д коридору Кумай-Турция. www.dpdhl.com/en/media_relations/press_releases/2015/dhl_lays_tracks_silk_road_china-turkey_rail_corridor.html.

⁴⁹ Erste Containerzugverbindung von China zum Seehafen Baku transformiert den Handel zwischen Europa und Asien, 4 August 2015. www.presseportal.de/pm/117845/3088555.

из Ильичевска/Черноморска в качестве пробной партии через Грузию, Азербайджан и Казахстан в Китай⁵⁰.

И хотя такой прыжок Украины на подножку уходящего поезда может говорить о том, что некоторые страны, расположенные вдоль Пояса, и хотели бы обратить российско-китайскую конкуренцию в области транспорта в свою пользу, реальная проблема для интересов Москвы заключается преимущественно в двустороннем характере инициативы ОПОП. Концепция загадочно гласит: «Мы должны укреплять двустороннее сотрудничество и содействовать всестороннему развитию двусторонних отношений посредством многоуровневой и многоканальной связи и консультаций». Она призывает к разработке «ряда двусторонних пилотных проектов», а также к созданию и совершенствованию «двусторонних совместных рабочих механизмов». В то же время там говорится об усилении роли многосторонних механизмов сотрудничества. В частности, ШОС, АСЕАН плюс Китай (10+1), Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС), форума Азия-Европа (АСЕМ) и даже механизмов, связанных с (находящимся под контролем Японии) Азиатским банком развития, таких как Экономическое сотрудничество субрегиона Большого Меконга и Центральное-азиатское региональное экономическое сотрудничество (ЦАРЭС)⁵¹.

ЕАЭС блещет своим отсутствием в этом списке. Это тем более удивительно, если учесть, что, начиная с 2012 года, Китай ведет интенсивный ежегодный диалог с 16 странами Центральной и Восточной Европы (так называемый формат сотрудничества 16 + 1), в том числе с членами ЕС и другими странами, которые находятся западнее России⁵². В 2014 году, говоря об ОПОП, премьер-министр Китая Ли Кэцян назвал эти страны «восточными воротами в Европу» и пообещал им существенную помощь в исполнении роли «скоростных соединительных звеньев» между Китаем и Европой и внутри Европы. Он заявил об открытии Китаем кредитной линии в размере \$10 миллиардов для развития инфраструктуры и о строительстве новой высокоскоростной железнодорожной дороги Будапешт-Белград, которая, возможно, будет продлена до греческого порта Пирей – конечной точки морского Шелкового пути.

Неудивительно, что России потребовалось некоторое время и проведение «болезненных внутренних дискуссий», прежде чем она смогла смириться с проектом Шелкового пути⁵³. 9 мая 2015 года В.В. Путин и Си Цзиньпин, наконец, подписали совместное заявление «о сотрудничестве и сопряжении строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути». Москва и Пекин подтвердили свои намерения по координации двух проектов с целью создания «единого экономического

⁵⁰ John C. K. Daly, *Bypassing Russia. Ukraine Becomes Another "Silk Road" Terminus*. *Eurasia Daily Monitor*, Vol. 13, No. 18, 27 January 2016. [www.jamestown.org/single/?tx_ttnews\[tt_news\]=45028&tx_ttnews\[backPid\]=7#.Vt6t1uYSySB](http://www.jamestown.org/single/?tx_ttnews[tt_news]=45028&tx_ttnews[backPid]=7#.Vt6t1uYSySB).

⁵¹ Концепция и план действий..., цит. соч.

⁵² Alice Ekman, *China's multilateralism: higher ambitions*. *European Union Institute for Security Studies*, Alert No. 2, 2016.

⁵³ Александр Габуев, *Евразийский «Союз Шелкового пути»: дорога к российско-китайскому консенсусу? 5 июня 2015 г.* <http://carnegie.ru/2015/06/05/eurasian-silk-road-union-towards-russia-china-consensus/i9kt>.

пространства» в Евразии, в том числе по подписанию соглашения о свободной торговле между ЕАЭС и Китаем, подписание которого откладывалось в рамках ШОС.

Пока это всего лишь декларация о намерениях, «меморандум о взаимопонимании» в том виде, в котором он в общих чертах изложен китайскими авторами концепции Шелкового пути, а также подписан с Комиссией ЕС в июне 2015 года (что привело к созданию «Платформы транспортного соединения Китай-ЕС»). Но документ дает понять, что Россия и Китай не хотят, чтобы этот спорный вопрос перерос в открытый конфликт – как это было в других случаях со странами, расположенными к западу от России⁵⁴. Поэтому «игра с плюсовой суммой» – это наиболее часто употребляемый для характеристики проекта термин. Китай готов принять ЕАЭС в качестве партнера по переговорам в дополнение к отдельным государствам-членам, несмотря на то, что он вряд ли будет прибегать к политике «Москва – прежде всего» (которая, кстати, одинаково непопулярна и в Центральной Азии, и в Центральной Европе). Кроме того, Москва отодвинула свои соображения безопасности и свои претензии на эксклюзивную сферу интересов на задний план, не утратив при этом своих подозрений о неоправданном иностранном присутствии на своей территории. И это уже напоминает российскую озабоченность событиями в западной части бывшего СССР, а именно, на Украине. Следует отметить, что управление конфликтом между участвующими сторонами пока сильно отличается от взаимодействия России с ЕС и, следовательно, результат также будет другим.

Такое разрешение проблем, безусловно, происходит от «стратегического» характера отношений между Россией и Китаем. Кроме того, сам характер китайского проекта также помогает снизить вероятность конфликтов. В отличие от европейских и западных подходов к региональной интеграции, которые опираются на многосторонние договоры, юридически обязательные нормы и стандарты, механизмы коллективного урегулирования споров и наднациональные институты, китайский стиль опирается, прежде всего, на создание благоприятных экономических условий.

«Продвижение этой повестки дня не требует от Китая участия в многосторонних договорах или создания наднациональных бюрократических организаций. Все, что требуется от Пекина – это лидерство в виде организации дискуссий, выдвижения предложений по сотрудничеству, снижения информационных и транзакционных издержек для партнеров, а также предоставления им материальных стимулов в виде новой инфраструктуры, кредитов, инвестиций и торговых возможностей»⁵⁵.

Этот особый стиль также связан с предрасположенностью к «сетевым связям» в китайской культуре, что позволяет улаживать проблемы и избегать, таким образом,

⁵⁴ В качестве первого шага, 8 мая Евразийская экономическая комиссия была уполномочена Россией, Казахстаном, Беларусью и Арменией на начало переговоров о торгово-инвестиционном соглашении с Китаем.

⁵⁵ David Arase. *China's Two Silk Roads: Implications for Southeast Asia (Amended Version)*. ISEAS Perspective, No. 2, 2015, Singapore, 22 January 2015. www.iseas.edu.sg/images/pdf/ISEAS_Perspective_2015_2.pdf.

вариантов взаимодействия с нулевой суммой⁵⁶. В сочетании с беспрецедентно высокими финансовыми стимулами, этот стиль дает гораздо больше побудительных мотиваций для сотрудничества, чем европейское сочетание нормативных требований и материальной скупости.

Тем не менее, в том, что касается ОПОП, российские наблюдатели отметили «неприемлемые задержки в разработке общего подхода». Практически по всем параметрам – будь то поддержка иностранных инвестиций, арбитраж, промышленное сотрудничество или транспортная инфраструктура, члены ЕАЭС «даже не смогли договориться об общих подходах»⁵⁷. Действительно, существует целый ряд структурных препятствий, усложняющих поиски общего знаменателя. Например, многосторонняя координация занимает больше времени, чем двусторонние переговоры; проект ОПОП не в равной степени важен для всех государств-членов ЕАЭС. В частности, он практически не нужен Армении и Белоруссии; и общие проекты ЕАЭС-ОПОП в целом немыслимы, поскольку ЕАЭС по существу является регулирующим органом, а (пока еще) не наднациональной структурой. Наконец, очевидно, что ОПОП ориентирован на Китай, и Россия в этом проекте может играть только вторую скрипку – роль, которой Москва никогда не могла бы довольствоваться. Это справедливо даже в отношении уровня самой инициативы: «Создается впечатление, что подавляющее большинство инфраструктурных проектов в рамках Экономического пояса Шелкового пути будет построено китайскими предприятиями и профинансировано за счет китайских инвестиций»⁵⁸.

Другие страны участвуют в проекте с меньшей неохотой, чем Россия, и это говорит о потенциально наиболее важном факторе: финансовые стимулы, по-видимому, начали гонку за лучшее место под солнцем. Эта поведенческая манера была известна как вполне обыденная в конкурентном сотрудничестве, направленном на цели развития. Такая динамика сильно играет на руку китайскому билатерализму. Министр иностранных дел Казахстана Ерлан Идрисов сказал так: «Наша философия проста: мы должны сесть на этот поезд»⁵⁹.

Первые результаты этой «поездки на поезде» включают в себя совместное строительство логистического терминала в китайском порту Ляньюньган для об-

⁵⁶ См. Nadine Godehardt. *Chinas Vision einer globalen Seidenstraße*. Volker Perthes (ed.). *Ausblick 2016. Begriffe und Realitäten internationaler Politik*. SWP-Ausblick, Berlin, Januar 2016.

⁵⁷ Тимофей Бордачев. *Разобщенная Европа и Великая Евразия*. <http://valdaiclub.com/news/not-so-united-europe-and-greater-eurasia>.

⁵⁸ Иван Зуенко. *Объединение Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути: актуальные проблемы и вызовы для России*. 30 октября 2015 г. *Китай в Центральной Азии (блог)*. <http://chinaincentralasia.com/2015/10/30/connecting-the-eurasian-economic-union-and-the-silk-road-economic-belt-current-problems-and-challenges-for-russia>.

⁵⁹ Цитируемся по Simon Denyer, *In Central Asia, Chinese inroads in Russia's back yard*. *Washington Post*, 27 December 2015. www.washingtonpost.com/world/asia_pacific/chinas-advance-into-central-asia-ruffles-russian-feathers/2015/12/27/cfedeb22-61ff-11e5-8475-781cc9851652_story.html.

легчения перевозки грузов из Центральной Азии на зарубежные рынки, а также совместный с Китаем проект «сухого порта» в Хоргосе на казахской границе, получившего амбициозное название «мини-Дубай». Он должен стать основным распределительным и перегрузочным центром для товаров, перевозимых между Китаем и Западной Европой⁶⁰.

Впрочем, помимо конкуренции в области транспортных связей и прочих подводных камней, Россия и Китай имеют важный общий интерес в Центральной Азии. Обе страны стремятся к поддержке политической стабильности в регионе и поддержке там светских режимов (невзирая на их автократический характер).

То, что это совпадение интересов, в конечном итоге, приведет к возникновению русско-китайского «кондоминиума» в Центральной Азии, в котором Россия будет гарантом безопасности, а Китай – крупнейшим экономическим игроком, вероятно, рисует слишком радужный образ будущего, даже если принимать в расчет уверения региональных держав о негативном отношении к односторонним зависимостям⁶¹.

Оптимисты настаивают, что деятельность Москвы на «восточном фронте» является «одним из наиболее важных показателей возвращения России в политику в качестве мировой державы». Более сдержанные умы полагают, что совместное освоение Шелкового пути является «эффективным инструментом торговой защиты национальных рынков» государств-членов ЕАЭС⁶².

Россия может найти определенную поддержку в осознании того, что в других частях мира, знакомых с китайской манерой реализации своих интересов, на ОПОП смотрят с немалой долей скептицизма. Вполне реально, что Центральная Азия (как Африка и Латинская Америка) может, в конечном итоге, сменить имидж и перестать быть сырьевым придатком и свалкой для избыточного китайского ширпотреба. В этом случае ОПОП почти наверняка зайдет в тупик. То же самое случится, если создание системы транспортных связей окажется ничем иным, как программой для создания новых рабочих мест для китайских инфраструктурных компаний, а не экономическим локомотивом для всего региона.

⁶⁰ Там же; Tian Shaohui. Chronology of China's Belt and Road Initiative 28 March 2015. Казахстан явно рассчитывает на то, что ОПОП немедленно создаст свою собственную программу развития «Нурлы жол», которая, по расчетам президента Назарбаева, должна стать движущей силой экономического роста в ближайшие годы. «200 000 новых рабочих мест будет создано за счет строительства одного только Пути, что создаст мультипликативный эффект в других отраслях экономики, таких как производство цемента, металла, станков, битума, оборудования и связанных с ними услуг». (Нурсултан Назарбаев, Нурлы жол, Путь в будущее). <https://www.thebusinessyear.com/kazakhstan-2015/nurly-zhol-bright-path-to-the-future/inside-perspective>.

⁶¹ Это прогноз Александра Габуева (Российско-китайские переговоры: Шелковый путь ведет в Евразию, 15 мая 2015 г. <http://carnegie.ru/2015/05/15/russia-china-talks-silk-road-leads-to-eurasia/i8vo>).

⁶² «К Великому океану-3. Создание Центральной Евразии: Экономический пояс Шелкового пути и приоритеты совместного развития евразийских государств», аналитический доклад МДК «Валдай», Москва, июнь 2015 г., с. 8, 15.

Перспективы

Вопреки скептикам, не верящим во взаимоотношения России и Китая в Евразии и называющим их «сотрудничеством на публике и соперничеством в частных отношениях»⁶³, Дмитрий Тренин, например, ожидает довольно гладкого и взаимопользующего эволюционного развития: «В ближайшие годы отношения между обеими странами, скорее всего, станут значительно теснее по мере усиления их стремления к созданию квази-союза и квази-интеграции, причем Пекин будет играть более значимую роль в этих отношениях»⁶⁴.

Другие, например, Роберт Каган, рисуют апокалиптические сценарии. Дескать, кто-то когда-то предостерегал, что «предстоящая битва будет между автократическими странами, такими как Россия и Китай, и остальным миром»⁶⁵. Трезвый взгляд на ситуацию, однако, открывает картину с большим количеством нюансов.

Прежде всего, Россия должна договориться со своим могущественным соседом. История китайско-советского соперничества свидетельствует о серьезных рисках, присутствующих даже несмотря на то, что одна и та же марксистско-ленинская идеология была не чужда обеим странам. Во-вторых, близкие отношения требуют решения очевидных асимметрий.

У России четыре взаимосвязанные проблемы: перспектива стать младшим партнером Китая; страх превратиться, в конечном итоге, в сырьевой придаток более влиятельного соседа; тревожное ожидание притока китайцев (а, в некоторых случаях, китайского капитала); риск того, что сфера влияния в Центральной Азии перейдет к проекту ОПОП со всеми его соблазнами. Эти опасения постоянно возникают в российской дискуссии о повороте в сторону Азии.

Первое компенсируется наличием у России сил ядерного сдерживания, которые равны американским и намного превосходят китайские. Второе нивелируется аргументом о том, что, быть сырьевым придатком ЕС тоже было рискованно, но не нанесло ущерба. Третье и четвертое – взаимной выгодой и возможностью осуществления контроля посредством сотрудничества. В любом случае, эти опасения напоминают обиды России в ее отношениях с Западом. Это, по мнению многих экспертов, и есть главная причина ее сегодняшнего отдаления от Запада.

⁶³ Alexander Cooley. *Tending the Eurasian Garden: Russia, China and the Dynamics of Regional Integration and Order. Paper prepared for ICCEES, Makuhari. Revised Draft, 1 July 2015.*

⁶⁴ Дмитрий Тренин. *От Большой Европы к Большой Азии? Китайско-российская Антанта. 9 апреля 2015 г.* <http://carnegie.ru/2015/04/09/from-greater-europe-to-greater-asia-sino-russian-entente/i64a#>.

⁶⁵ Роберт Каган. *Забудьте об исламской угрозе: грядущая битва будет между такими автократическими странами как Россия и Китай и всеми остальными*, *timesonline.co.uk*, 2. September 2007.

См. также его книгу: *Robert Kagan. The Return of History and the End of Dreams*, New York (Knopf) 2008.

Примерно в то же время, что и Каган, Сергей Караганов отметил «разворачивающуюся борьбу между двумя моделями развития – либерально-демократическим капитализмом традиционного Запада и авторитарным капитализмом», который, по его мнению, существует в России и Китае.

Сергей Караганов. *Наступает новая эпоха. Российская газета*, 6 июля 2007 г.

С другой стороны, именно из-за этого отдаления и произошло нынешнее российско-китайское сближение. И таким образом, оно, возможно, носит условный и временный характер. Несмотря ни на что, это, безусловно, помогает смягчить китайско-российское соперничество.

В целом же Москва рассматривает поворот в сторону Азии как естественный побочный продукт глобальных изменений в расстановке сил и как элемент нового – многополярного – международного порядка. В связи с этим сотрудничество с Китаем называется «объективным укреплением позиций России на международной арене в качестве независимого центра силы»⁶⁶. Тем не менее, активное наступление России также чревато серьезными рисками.

Использование России в качестве тарана не только отражает весьма одностороннее «разделение труда» между Москвой и Пекином, при котором Китай легко проходит через ворота, распахнутые Россией, умывая руки от ответственности и излагая, в лучшем случае, теорию о «новой модели отношений между крупными странами»⁶⁷. Для Москвы это может обернуться перенапряжением, нерациональным использованием драгоценных и, в конечном счете, дефицитных ресурсов, с маячащим на горизонте повторением судьбы Советского Союза.

Китай не стремится к повышению статуса своих отношений с Россией до уровня эксклюзивности. Скорее всего, Пекин восстанавливает искусство триангуляции между Москвой и Вашингтоном, а то и напрямую стремится к созданию G2 с США в качестве главного источника глобальных экономических успехов.

До сих пор Китай и Россия, казалось, были полностью удовлетворены заверениями о взаимоуважении и развитии отношений на принципах равенства и справедливости – тем, чего, как справедливо жалуется Москва, ей не удавалось получить на Западе. Кроме того, аккуратное управление несовпадающими интересами и нерешенными конфликтами России и Китая в Центральной Азии, а также расширение экономических связей в целях постепенного подхода к экономической интеграции может привести к финалу, из которого ЕС сможет извлечь урок – и выгоду.

Китайско-российские экономические отношения лишь частично вписываются в эту позитивную картину – по крайней мере, их история не обнадеживает. По сути, нынешние экономические отношения следуют стратегии энергетической диверсификации, в которой Россия нуждается не меньше, чем ЕС. Снижение чрезмерной зависимости от Запада – основного потребителя российских энергоносителей и главного

⁶⁶ Лукин. *Россия, Китай...*, цит. соч.

⁶⁷ См. по этому вопросу: Fu Ying. *How China Sees Russia. Beijing and Moscow Are Close, but Not Allies. Foreign Affairs*, Vol. 95, No.1, 2016, p. 103. Не нужно ходить так далеко, как Ван Цзиси, который считает, что «практически невозможно отличить друзей Китая от его врагов». Wang Jisi. *China's Search for a Grand Strategy. A Rising Great Power Finds Its Way. Foreign Affairs. March/April 2011 Issue.* <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2011-02-20/chinas-search-grand-strategy>.

источника импорта товаров с добавленной стоимостью – стало еще более актуальным в свете уязвимости России, возникшей в результате введения западных санкций.

Тем не менее, недостаток такого подхода заключается в следующем: он расширяет российскую базу клиентов и поставщиков, но не меняет старые структуры. Россия не завоевывает китайский рынок новыми продуктами. Она просто перенаправляет поток своих сырьевых товаров, увеличивая при этом объем импорта из Китая. Сохранение структур – политических и экономических – почти всегда было во главе консервативной повестки дня Путина, и этого опять может оказаться недостаточно.

#Valdaiclub

 Valdai Club

 Valdai International
Discussion Club

www.valdaiclub.com

valdai@valdaiclub.com

СОВЕТ ПО ВНЕШНЕЙ И ОБОРОННОЙ ПОЛИТИКЕ

Российский совет
по международным
делам

МГИМО
УНИВЕРСИТЕТ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ